

Юиса был моим другом. Мы вместе поступили во внутренний дворец, почти ровесники. Даже когда наш сифу бил нас, мы поддерживали друг друга. Но теперь я не могу больше называть себя его другом. — Сикен склонился, уткнувшись лицом в ладони. Солнечный свет, падающий на его спину, был ослепительно белым, словно рана. Дзюэцу опустила глаза. — Ты боишься умереть. Это естественно. Я тоже боюсь. — Она прошептала, касаясь волос, собранных в высокий пучок. Черные, словно ночь, они были неестественным украшением, памятью о прошлом. — Не отрицай эти чувства. Ты должна прожить свою жизнь с сожалением. Твои муки — твое наказание. Возможно, я до сих пор жив, потому что и у меня есть наказание. — Так вот почему я могу вынести роль Консорта Ворона. Потому что это мое наказание за то, что я позволила своей матери умереть. — Сикен поднял голову, глядя в ее глаза. Чувство вины, затаившееся в глубине их сердец, словно эхом отдавалось в их взглядах. Выражение лица Сикена смягчилось, на нем появилась едва заметная, печальная улыбка. — Да... Все именно так, как вы сказали. Спасибо. — Тихо произнес он. Лицо и голос обрели спокойствие, в глазах застыло безмятежное умиротворение, омраченное тенью усталости. Даже если инцидент остался в прошлом, его участие в смерти птицы могло стать серьезным преступлением. Дзюэцу задумалась, не признался ли он, желая избавиться от груза вины, найти покой. Она перевела взгляд на окно, а затем снова посмотрела на Сикена. — Юиса когда-нибудь говорил "прости" на языке хатан? — На языке хатан? Он научил меня несколькими словами, но я не думаю, что он научил меня "извини"... — Ишиха, — позвала Дзюэцу. Ишиха выпрямился. — Попробуй сказать "прости" на языке хатан. — Да, — ответил он и произнес несколько слов. Глаза Сикена расширились, он кивнул. — Я помню это слово. — Юиса повторял его мертвой голубой ласточке. — Простите, простите... Эти слова были обращены к синей ласточке? — Юиса постоянно извинялся перед синей ласточкой, по вине которой он погиб. — Когда она произнесла эти слова, Сикен опустил взгляд. — Так вот почему... он пошел к Леди Ласточке, чтобы сказать ей, что это он стал причиной смерти ласточки? Чтобы загладить вину за то, о чем он сожалел? — ... Возможно, он наконец-то осознал свою ничтожность, позволив этой маленькой жизни трагически погибнуть. — Он хотел сделать Ласточку счастливой, сблизиться с ней, понравиться ей, чтобы она улыбнулась ему — и постепенно все глубже и глубже погружался в бездну. К тому времени, когда он это понял, вернуться на берег уже не было никакой возможности. — Как отправить этот призрак в рай? Ему незачем было страдать после смерти. Это должно остаться за живыми. — Дзюэцу приложила пальцы к вискам, погрузившись в раздумья. — Леди Ворона-консорт, — окликнул ее Сикен. — Вы проводите такое расследование, чтобы спасти призрак Юисы? — ... Я не знаю, смогу ли я спасти его. — Но ты пытаешься спасти его. — Сикен встал, подошел к своей койке, присел и достал из-под нее маленькую коробочку. Открыв крышку, он вернулся к Дзюэцу, держа в руке предмет. Он положил его на стол. — Это... Дзюэцу взяла его в руку, пристально глядя. Чистое, темно-синее перо. Когда на него падал солнечный свет, цвет слегка менялся, становясь аквамаринным. Это было перо из хвоста голубой ласточки. — ... Оно принадлежало синей ласточке, которая умерла. Я собирался избавиться от него, но не смог... — Потому что я чувствую, что там сердце Юисы, — сказал он. Дзюэцу пристально посмотрела на перо и пробормотала: — Понятно, значит, это перо погибшей синей ласточки. — Затем она направилась к двери. — Мы идем во дворец Хиен. Онкей быстро прошла вперед и открыла дверь. Перед тем, как выйти из комнаты, она обернулась к Сикену. — Ты тоже идешь с нами? — У меня здесь работа, так что... — Я спрошу Кадзё. — Дзюэцу сразу же отправилась во дворец Кадзё и, получив разрешение взять Сикена, вышла. Он поспешил за ней. Когда они покидали дворец Ямэй, их было трое, но теперь их было пятеро. Они направились во дворец Хиен, следуя за Дзюэцу. Госпожа Ласточка, несомненно, узнает о том, что вокруг ее дворца бродит столько людей, поэтому они зашли в него спереди, чтобы избежать неприятностей. — Ты — Консорт Ворона? О боже, как страшно... Перед дворцом она впервые встретила Леди Ласточку. Это была красивая женщина. Ей было лет двадцать, а может быть, и больше. Однако жесты и слова ее были моложе ее возраста. Она прикрыла рот веером и испуганно уставилась на Дзюэцу. Казалось, она боялась Консорта

Ворона.— А? Сад? Ах, да, пожалуйста, не стесняйтесь использовать его по своему усмотрению. — Это было все, что она сказала, и уже собиралась удалиться внутрь, как вдруг обернулась и сказала: — Эй, а в саду ведь нет призрака? Я просто не могу иметь дело с такими вещами. — Ее брови были опущены в искренней тревоге. Это было настолько невинное, девичье выражение лица, что на губах Дзюсэцу появилась небольшая улыбка. Она гораздо более очаровательная и милая женщина, чем я, подумала она. Леди Ласточка удивленно моргнула, увидев улыбку Дзюсэцу.— Я просто хочу посмотреть на ирисы в вашем саду. Они, должно быть, прекрасны. Не будете ли вы так любезны дать мне несколько штук?— Да-да, пожалуйста, берите сколько хотите. — Лицо Ласточки покраснело, как будто она была взволнована. Она велела слуге, находившемуся неподалеку, проводить их туда, а затем, прикрыв лицо веером, побежала во дворец. Может быть, она и была из знатной семьи, но вела себя как ребенок. Она знала, где находится сад, не нуждаясь в проводнике, но все же последовала за слугой. Когда они подошли к ирисам с кроличьими ушами, слуга передал Дзюсэцу ножницы для цветов и удалился. Дзюсэцу достала из волос пион и подула на него. Бледно-красный дым поплыл над ирисами с кроличьими ушами. Появилась фигура Юисы.— Юиса! — закричал Сикен. Однако глаза Юисы не дрогнули даже при этом голосе. Его рука сжимала голубое перо. Дзюсэцу достала перо из кармана. Это было голубое перо из хвоста ласточки, которое хранил Сикен. Она зажала его между ладонями и подула на него тонкой струйкой воздуха. Из пространства между ладонями поднялся темно-синий дым. Колеблясь вверх-вниз, как бы путаясь, дым постепенно стал собираться в одно место. Он задрожал и, казалось, на мгновение собрался воедино, а затем расплылся и рассеялся. Дзюсэцу протянула руку и провела пальцами по дыму. словно по мановению волшебной палочки, дым, клубящийся над ними, начал сгущаться, обретая форму. Синий дым, будто живой, превратился в плотный комок, из которого, одно за другим, проклюнулись перья, складываясь в крылья. Хвостовые перья, удивительно яркие и глубокие по цвету, распустились, становясь упругими и шелковистыми. Появились клюв, глаза, лапки — и вот, перед ними уже сидела птица, оперение которой переливалось всеми оттенками синего. С чистым, пронзительным криком она взмахнула крыльями, словно приветствуя мир. Дзюсэцу протянула палец, и птица, не колеблясь, села на него. Юиса, с нескрываемым восхищением, наблюдал за ней. Красивая, изящная птица, сидящая на пальце Дзюсэцу, казалось, была воплощением чистоты и свободы. Она пошевелила пальцем, и синяя ласточка, взмахнув крыльями, взмыла в воздух. Внезапно, Юиса шагнул вперед, протягивая руку. Ласточка, будто чувствуя его призыв, описала в воздухе небольшой круг и плавно опустилась на его палец. Маленькие коготки крепко вцепились в кожу. Юиса поднял руку, рассматривая птицу. Клюв, утопающий в мягких перьях, чистил оперение. В глазах Юисы заблестели слезы, и вскоре они хлынули ручьем. Губы задрожали, и голос, полный сожаления, прошептал: — Прости. Эта голубая ласточка была последним напоминанием о его вине, о той трагедии, что разделила их. Раскаяние, терзавшее его душу, не давало ему покоя. Теперь, он мог освободиться от него. Ласточка, взлетев с его пальца, кружила в небе, изящно паря над землей. Она пела свою прощальную песню, а затем растворилась в клубах дыма, словно сливаясь с цветом неба. От ее пения остался лишь слабый, нежный отзвук. Юиса, подняв голову, смотрел, как фигура птицы медленно исчезает. Он повернулся, слабо вздохнув. — Юиса. Сикен позвал его по имени. Юиса повернулся, глядя на него пустым, затуманенным взглядом. Затем, на его лице расцвела мягкая улыбка, и он что-то прошептал, смеясь. После этого, фигура Юисы растворилась в воздухе, словно ее унесло ветром. Его смех, тонкий и легкий, еще долго звучал в их ушах. Синее перо ласточки упало на кроличье ухо. Дзюсэцу, подняв его, протянула Сикену. Тот, внимательно рассматривая перо, пробормотал: — Наверное, он сначала не узнал Сикена. Поэтому у него был такой пустой взгляд. Но потом, он узнал тебя и рассмеялся. Ты слышала, что он сказал в конце?— Я знала, что он что-то сказал, но не могла разобрать, — ответила Дзюсэцу. — Это было хатанское слово?— Да. Он сказал: “Тонкаджи”. — Что это значит?— Это значит “друг”. Это слово, которым вы называете кого-то, например, “Мой друг” или что-то в этом роде. Сикен, затаив дыхание, уставился на то место, где совсем недавно была фигура

Юисы. Юиса, казалось, что-то бормотал, но его слова затерялись в тишине. Рука, державшая перо, дрожала. Дзюсэцу, уставившись на перо, прошептала: — Друг, ха.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/3148115>